

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.
Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834--1836. Дмитрий Калинин.
Вступит. статья к собр. соч. Н. К. Гегеля.
Статья и примеч. к первому тому Ю. В. Манна.
Подготовка текста В. Э. Богграда.
М., "Художественная литература", 1976
[OCR Бычков М. Н.](#)

Известен рассказ И. Панаева - в ту пору начинающего писателя - о том, какое впечатление произвела на него первая большая статья Белинского. Открыв как-то последний номер "Молвы", Панаев бросил взгляд на статью с оригинальным названием "Литературные мечтания. Элегия в прозе", принялся ее читать - и не смог уже оторваться. "Новый, смелый, свежий дух ее так и охватил меня. "Не оно ли, - подумал я, - это новое слово, которого я жаждал, не это ли тот самый голос правды, который я так давно хотел услышать?"

Своим впечатлением Панаев поспешил поделиться с М. Языковым, в ту пору также начинающим литератором. "Языков пришел в такой же восторг, как я, и впоследствии, когда мы прочли всю статью, имя Белинского уже стало дорогим нам" {И. Панаев. Литературные воспоминания. М.-Л., Гослитиздат, 1950, с. 108.}.

Так происходило знакомство читающей России - молодой России - с Белинским. Это знакомство может быть охарактеризовано более поздним откликом Аполлона Майкова: "Вдруг налетела буря Белинского..." {"Достоевский. Статьи и материалы". Пб., 1924, с. 270.}. Здесь передана не только сила впечатления от его критики, но и сам момент внезапности и неотвратимости.

Тут нужно установить, что же особенно потрясло современников, в чем увидели они "новое слово". Увы, их свидетельства, сами по себе, не дают исчерпывающего ответа. Что-то очень важное, но, очевидно, казавшееся само собою разумеющимся, словно оставлено между строк. И мы должны поэтому внимательно сопоставить исторические свидетельства, вдуматься в них, почувствовать саму литературную ситуацию начала 30-х годов прошлого века.

На поставленный выше вопрос - о новизне "слова" Белинского - можно, конечно, ответить и не мудрствуя лукаво: дескать, все дело в глубине его мысли, в энергии, в актуальности, в неразрывной связи с действительностью и т. д. (нередко мы так и отвечаем). И разумеется, это будет правильный ответ, но уж слишком общий, применимый к любому великому критику, да и к любому великому мыслителю. А важно ведь именно понять, как проявились эти качества Белинского конкретно - в каких именно литературных теориях, суждениях о писателях, оценках.

Панаев вспоминал, что его особенно поразило то место статьи Белинского, где говорилось о вреде "литературного идолопоклонства", о "детском благоговении к авторитетам". Между тем мысль эта для русского читателя не была уж такой неожиданной. Сегодня, спустя полтора века, мы можем отдать должное русской критике 20-х - начала 30-х годов, довольно строгой, порою даже пристрастной к отечественным писателям. Кажется, никогда еще не было свергнуто так много литературных кумиров, не выражалось столь сильно критическое отношение к авторитетам, как в это время. Вот наудачу несколько примеров.

Ровно за десять лет до "Литературных мечтаний" Кюхельбекер в знаменитой статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической..." напал на мечтательную, уводящую от жизни музу Жуковского; заодно досталось и "недозревшему Шиллеру", которому критик противопоставил "великого Гете" и "огромного Шекспира". Позднее Н. Полевой произнес строгий суд над И. Дмитриевым, бывшим еще в те годы, по выражению дореволюционного исследователя Н. Котляревского, "литературной иконою". Не говорим уже о Надеждине, развернувшем настоящее критическое наступление на русских, а заодно и западноевропейских романтиков.

Само выражение "у нас нет литературы", ставшее своеобразным лейтмотивом критической элегии Белинского, имело уже свою историю. Впервые этот горький вывод был сделан Бестужевым в статье 1825 года и затем на разные лады повторялся другими критиками. "Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы", - писал, например,